

А. В. Кротов*

Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

Аннотация. Актуальность статьи связана с формированием и развитием концепции «широкого» толкования права на частную жизнь, что находит свое выражение как в зарубежном, так и в отечественном праве, влиянием указанной концепции на особенности современного правового регулирования частной жизни. Анализируя процессы становления и развития права на частную жизнь в России и зарубежных странах, опираясь на решения Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, автор приходит к выводу о наличии процессов конституционализации отечественного права на неприкосновенность частной жизни (как негативного права), эволюционировании указанного права в сложносоставное право (систему прав и правомочий), включающего как негативные, так и позитивные элементы, что в итоге приводит к существенному расширению области воздействия права на частную жизнь. При этом выделяется особая роль в указанных процессах Конституционного Суда РФ, который выполняет роль генератора новых позитивных начал в области правового регулирования частной жизни, расширяя сферу воздействия права на частную жизнь.

Ключевые слова: право на частную жизнь, Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека, конституционализация права на частную жизнь, толкование, воздействие права, частная жизнь.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.90.5.081-088

На момент принятия Конституции РФ 1993 г., содержащей модель конституционного регулирования права частной жизни в виде фиксации общей нормы о неприкосновенности частной жизни, в ряде зарубежных стран уже была сформулирована концепция «широкого» толкования права на частную жизнь.

1. Формирование концепции «широкого» толкования права на частную жизнь на примере

Французской Республики. Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях Европейского Суда по правам человека

Эволюционирование права на неприкосновенность частной жизни (в качестве негативного права, доминировавшего в XVIII—XIX вв.) в зарубежных странах происходило поэтапно, под влиянием экономических, правовых и иных факторов. Во Франции, как пишет председатель Конституционного Совета Франции Пьер Мазеа-

© Кротов А. В., 2018

* Кротов Андрей Владиславович, кандидат юридических наук, докторант Южного федерального университета

pravonnov@yandex.ru

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

уд (Pierre Mazeaud)¹, активные дискутированные проблематики права частной жизни было инициировано при обсуждении текста Конституции 1791 г., в ходе разрешения вопроса о гарантиях и ограничениях свободы печати (термин «частная жизнь» был упомянут в ст. 17 гл. пятой Конституции 1791 г.). В свою очередь, традиционно первым источником права на частную жизнь считается понятие чести (что связано с содержанием французского закона «О печати» от 11.05.1868). Предпосылками широкой трактовки права на неприкосновенность частной жизни стала ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также судебная практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), использующая термин «право на уважение частной жизни».

Начало конституализации права на неприкосновенность частной жизни в судебной практике Конституционного Совета Франции произошло в 1977 г. — в решении о досмотре транспортных средств тайна частной жизни была признана в качестве элемента свободы личности. В 1999 г. Конституционный Совет Франции в решении относительно закона о создании всеобщего медицинского страхования указал, что право на неприкосновенность частной жизни основано на ст. 2 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., соответственно, право на уважение частной жизни является естественным

и неотчуждаемым правом, базисом которого является свобода человека, свобода, в свою очередь, подразумевает уважение к частной жизни, отсюда следует и вывод о трактовке права на частную жизнь в качестве конституционного. Сформулированное Конституционным Советом Франции понятие «личной свободы» (свобода приходить и уходить, свобода вступления в брак и пр.) стало базисом права на частную жизнь, подтвердив окончательное формирование концепции «широкого» толкования права на частную жизнь во французской системе права.

В настоящее время ЕСПЧ также придерживается концепции «широкого» толкования права на частную жизнь (внимание на это обращает ряд авторов, в частности Е. Г. Тарло²). Так, ЕСПЧ в качестве элементов сложносоставного права на частную жизнь выделяет следующие права: право на создание семьи и общение с членами семьи, материнство и суррогатное материнство, усыновление³; право на сохранение в тайне информации о частной жизни, в том числе в ходе обмена информацией по различным каналам⁴; право на физическую целостность после смерти⁵; право на жилище (как необходимое составляющее в целях формирования частной жизни, места обеспечения моральной и физической неприкосновенности субъекта⁶; право на смену персональных данных⁷; право на защиту

¹ Mazeaud P. Libertésetordre public // URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/publications/contributions-et-discours/2003/libertes-et-ordre-public.144093.html> (дата обращения: 30.08.2017).

² Тарло Е. Право на частную жизнь в России // Закон. 2007. № 3. С. 163—166.

³ Постановления ЕСПЧ от 30.06.2015 (№ 41418/04) по делу «Хорошенко против Российской Федерации (Khoroshenko v. Russia)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека (далее — Бюллетень ЕСПЧ). 2015. № 7 ; от 05.02.2015 (№ 28718/09) по делу «Котий против Украины (Kotiy v. Ukraine)» // Бюллетень ЕСПЧ. Рос. изд. 2015. № 7 (157) ; от 27.01.2015 (жалоба № 25358/12) по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии (Paradiso and Campanelli v. Italy)» // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 4 (154).

⁴ Постановления ЕСПЧ от 03.02.2015 (№ 22765/12) по делу «Апосту против Румынии (Apostu v. Romania)» // Бюллетень ЕСПЧ. Рос. изд. 2015. № 6 (156) ; от 15.01.2015 (№ 68955/11) по делу «Драгоевич против Хорватии (Dragojevic v. Croatia)» // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 4 (154).

⁵ Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 (жалоба № 61243/08) по делу «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики» // Прецеденты ЕСПЧ. 2015. № 3 (15).

⁶ Постановление ЕСПЧ от 02.10.2014 (жалоба № 4261/04) по делу «Мисан (Misan) против Российской Федерации» // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 4 (154).

⁷ Постановление ЕСПЧ от 05.12.2013 (жалоба № 32265/10) по делу «Анри Кисмун (HenryKismoun) против Франции» // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 4.»

интимных аспектов жизни, включая право на защиту от сексуальных домогательств⁸; право на половую самоидентификацию⁹; право на смену половой принадлежности¹⁰.

2. Особенности формирования концепции «широкого» толкования права на частную жизнь в России

Процесс формирования «широкого» толкования права частной жизни (отказ от восприятия права на частную жизнь как выраженного негативного права, направленного на обеспечение запрета со стороны иных лиц на вторжение в область частной жизни индивида, осознание права частной жизни в качестве системы прав и правомочий, образованных на основе конституционных прав, являющихся по их юридической природе как позитивными, так и негативными, целью которых является реализация свободы индивидуализации (персонификации) жизнедеятельности индивида) в России был инициирован практически с момента принятия Конституции РФ 1993 г. Отметим, что в отечественной системе права конституционное право на частную жизнь, является определенным юридическим феноменом, что связано с особенностями развития Российского государства, права. Как отмечается в научной литературе, «в российской культуре, в отличие от западной, никогда не существовало понятия индивидуального в западном значении индивидуализма»¹¹. В советский период развития России, как пишет Б. С. Эбзеев, «гипертрофия коллективного начала в организации социума и вынужденная покорность человека материальным условиям жизни обуславливала ничтожность личного на-

чала и нивелировку индивидуальности по общему шаблону. Идеальное устройство общества, образующего живой организм, требовало унификации общественного сознания и подавления человеческой субъективности. Человеку не были оставлены даже самые потаенные уголки, включая семью и брак»¹², что в итоге привело к неоднозначному, порой негативному восприятию процессов частной жизни в российском обществе, предпринимавшей определенную специфику развития отечественного права на частную жизнь.

По нашему мнению, особенности отечественного права на частную жизнь состоят в следующем:

- консервативный характер эволюции институтов российского права, общественного сознания, доминирование концепции коллективизма, создавших предпосылку для дисбаланса с наличными социальными потребностями в области частной жизни, уменьшение значения ценностей индивидуализма;
- отсутствие поэтапного (исторически обусловленного) процесса эволюционирования права на неприкосновенность частной жизни (обусловленного влиянием неизбежных особенностей социального развития, ростом экономического достатка);
- влияние на содержание права на частную жизнь права Российской империи и советского права, советской идеологии;
- превалирование в доктрине и практике негативного элемента права на частную жизнь;
- доминирование в области социальных регуляторов частной жизни норм морали, а не

⁸ Постановление ЕСПЧ от 12.11.2013 (жалоба № 5786/08) по делу «Седерман (Soderman) против Швеции» // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 3.

⁹ Постановления ЕСПЧ от 21.10.2010 (жалобы № 4916/07, 25924/08 и 14599/09) по делу «Алексеев (Alekseyev) против Российской Федерации» // Бюллетень ЕСПЧ. 2011. № 11 ; от 22.01.2008 (жалоба № 43546/02) по делу «Е. В. против Франции» // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 7.

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 10.03.2015 (№ 14793/08) по делу «У. У. против Турции (U. U. v. Turkey)» // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 7.

¹¹ См.: Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е. А. Лукашевой. М., 2002. С. 174.

¹² См.: Эбзеев Б. С. Великая российская революция : Идеиные истоки и конституционное устройство власти и свободы // Гражданин, выборы, власть : научно-аналитический журнал. 2017. № 1—2. С. 3—31.

норм права или религии (как, например, в странах ислама);

- наличие культурно-исторических, религиозных, правовых особенностей, не позволяющих осуществить прямую имплементацию норм международного, регионального права, регулирующих область частной жизни, в отечественное законодательство.

В статье 23 Конституции России содержится право на частную жизнь, основанное на негативной трактовке свободы, субъект права на частную жизнь в такой конструкции имеет право требовать от иных лиц (в том числе государства) обеспечения неприкосновенности его частной жизни, в свою очередь, государство содействует обеспечению такой неприкосновенности (по сути, скопирована американская концепция «privacy»).

Указанное содержание ст. 23 Конституции РФ не является «непреодолимым препятствием», предрешающим «узкое» толкования права на частную жизнь (в качестве негативного). Мы являемся сторонниками концепции «живой» конституции и «живого» конституционализма, суть которых состоит в возможности модернизации текста конституции под влиянием особенностей общественного развития.

В процессах расширения предмета регулирования конституционного права на частную жизнь, формирования концепции «широкого» толкования указанного права, особую роль играет орган конституционного контроля (конституционный суд), который, как пишет Н. С. Бондарь¹³, выступает своего рода генератором новых, дополнительных нормативных элементов (в данном случае — права на частную жизнь). Без учета правовых позиций Конституционного Суда РФ как квинтэссенции ценностных начал его решений невозможно в полном объеме

представить конституционно-категориальный статус права на частную жизнь.

3. Решения Конституционного Суда РФ в части формирования концепции «широкого» толкования права на частную жизнь

Вопросы правового регулирования частной жизни в том или ином ракурсе неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Впервые аспекты правового регулирования частной жизни были интерпретированы в *решении Конституционного Суда РФ от 18 декабря 1992 г. № 28-р*¹⁴, где Конституционный Суд указал, что согласно Конституции РФ (речь идет о действовавшей на тот момент Конституции (Основного Закона) Российской Федерации, принятой Верховным Советом РСФСР 12.04.1978) каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Из смысла ст. 40 Конституции, в которой это право закреплено, по мнению Суда, следует, что речь в ней идет о частной жизни лица и, соответственно, о частной переписке, частных телефонных переговорах, телеграфных и иных сообщениях. В обязанности должностных лиц не входит ведение частной переписки в учреждениях, в которых они работают, и в случае получения письма частного содержания на адрес учреждения отвечать на него они не обязаны.

В *постановлении от 20 февраля 1996 г. № 5-П*¹⁵ Конституционный Суд РФ сделал вывод, что в качестве профессиональной тайны рассматривается информация, которую может получить депутат Совета Федерации, Государственной Думы по роду своей деятельности, недопустимость распространения указанной информации основывается в том числе на положениях ст. 23, 24 Конституции РФ.

¹³ Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика / Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19—31.

¹⁴ Решение Конституционного Суда РФ от 18.12.1992 № 28-р «По жалобам гражданина Российской Федерации Ефимова Геннадия Семеновича».

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года “О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

Вопрос банковской тайны проанализирован в постановлении Конституционного Суда от 14 мая 2003 г. № 8-П¹⁶. Как указал Суд, из конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной тайны и недопустимости распространения информации о частной жизни лица без его согласия вытекают как право каждого на сохранение в тайне сведений о его банковских счетах и банковских вкладах и иных сведений, виды и объем которых устанавливаются законом, так и соответствующая обязанность банков, иных кредитных организаций хранить банковскую тайну.

В определении Конституционного Суда РФ от 30.09.2004 № 317-О¹⁷ рассмотрен вопрос о содержании налоговой тайны. Суд, в частности, указал, что в процессе осуществления налоговыми органами РФ своих функций, установленных Налоговым кодексом РФ и иными федеральными законами, в их распоряжении оказывается значительный объем информации об имущественном состоянии каждого налогоплательщика, ее распространение может причинить ущерб как интересам отдельных граждан, частная жизнь которых является неприкосновенной и охраняется законом, так и юридических лиц, чьи коммерческие и иные интересы могут быть нарушены в случае произвольного распространения в конкурентной или криминальной среде значимой для бизнеса конфиденциальной информации. Поэтому федеральный законодатель предусмотрел ограниченный режим доступа к такой информации путем уста-

новления исчерпывающего перечня субъектов, обладающих в силу закона правом обращения к налоговым органам за предоставлением сведений, составляющих налоговую тайну, в указанных в законе целях.

Постановление от 18 февраля 2000 г. № 3-П¹⁸ было вынесено Конституционным Судом РФ в связи с рассмотрением дела о проверке конституционности п. 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Конституционный Суд указал что права, закрепленные в ст. 23, 24 и 29 Конституции РФ, обосновывают и обеспечивают в том числе возможность для гражданина требовать предоставления ему собираемых органами государственной власти и их должностными лицами сведений, непосредственно затрагивающих его права и свободы и тем более касающихся его частной жизни, чести и достоинства. Основания для ограничения указанных прав могут устанавливаться законом только в качестве исключения из общего дозволения (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ) и должны быть связаны именно с содержанием информации, поскольку иначе они не были бы адекватны конституционно признаваемым целям.

Деликатный вопрос изъятия органов (или тканей) умершего человека был затронут в определении Суда от 10 февраля 2016 г. № 224-О¹⁹. Суд указал, что из предписаний ст. 23 Конституции РФ вытекает и обязанность законодателя обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2003 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 14 Федерального закона “О судебных приставах” в связи с запросом Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2004 № 317-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ламбина Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Налогового кодекса Российской Федерации».

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации “О трансплантации органов и (или) тканей человека”».

по вопросам, касающимся его личной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица. Эти же конституционные предписания, исходя из того, что неотъемлемым элементом частной жизни являются родственные и семейные отношения, предполагают необходимость уважительного отношения и создания условий для возможно полного учета мнения ближайших родственников умершего лица по тем вопросам посмертных отношений, по которым мнение самого умершего осталось не выявленным.

Особенности правового регулирования частной жизни в контексте процессов, связанных с принятием мер в целях защиты прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, были исследованы Конституционным Судом в постановлении от 27 июня 2012 г. № 15-П²⁰. Как указал Суд, модель правового регулирования признания гражданина недееспособным и установления над ним опеки (существующая в России), не предполагающая учета индивидуальных особенностей конкретной личности и ее потребности в защите, не может рассматриваться как соответствующая современным стандартам прав человека. Указанная модель порождает существенные риски и не исключает злоупотреблений и «линейного», упрощенного подхода к принятию решения, что ведет к нарушению требования юридического равенства. Обратим внимание, что Конституционный Суд в указанном постановлении сослался на практику ЕСПЧ, рассматривающую право каждого на уважение его частной и семейной жизни как охватывающее различные аспекты физической и социальной идентичности (под социальной идентичностью понимается результат процесса социальной идентификации, определения себя через членство в социальной группе; физическая идентичность — это определение себя через физическое тело как биологического существа, иными словами, в данном

случае это персонализация физических и социальных характеристик индивида), включая право на личную автономию, личное развитие, право устанавливать и развивать отношения с другими людьми или внешним миром (постановление от 29 апреля 2002 г. по делу «Претти (Pretty) против Соединенного Королевства»).

Анализ содержания решений Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что происходит поступательное движение от «негативного» конституционного статуса права на частную жизнь (право на неприкосновенность частной жизни), в сторону усиления позитивных нормативных начал; в область сферы права на частную жизнь включаются элементы семейных правоотношений, различные виды тайн (врачебная, банковская, налоговая и пр.) и т.д., по сути, в настоящее время процесс развития отечественного права на частную жизнь во многом аналогичен вектору эволюционирования права на частную жизнь за рубежом.

В указанном контексте обратим внимание на следующее мнение Н. С. Бондаря: «Конституционный Суд не только призван обеспечивать достижение баланса власти и свободы, создавать условия для конституционно-правовой оптимизации публичной власти и повышать с помощью имеющихся в его распоряжении специфических средств конституционного контроля эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина и их реализации, но Суд играет активную роль в формировании новых доктринальных подходов к институту основных прав и свобод человека и гражданина и механизмам их обеспечения, в конституционном обосновании, актуализации их нормативного содержания на новом этапе государственно-правового развития России, а в конечном счете — и в утверждении приоритетов конституционных ценностей»²¹.

Действительно, в современном глобальном информационном обществе роль органа конституционного надзора как никогда велика,

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

²¹ Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: Защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005. С. 4.

переход к концепции «широкого» толкования права на частную жизнь предполагает не только изменение доктринальных начал, но и корректировку содержания отраслевого законода-

тельства, соответствующую адаптацию судебной практики, что актуализирует дальнейшее исследование области правового регулирования частной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия : Защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. — М. : Юстицинформ, 2005. — 240 с.
2. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика / Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 4. С. 19—31.
3. Гомиен Д. Путеводитель по Европейской конвенции о защите прав человека. — Совет Европы, 2000. — 210 с.
4. Джефферсон Т. О демократии. — СПб., 1992. — 145 с.
5. Конституционное право и политика : сборник материалов Международной научной конференции. Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28 — 30 марта 2012 г. / отв. ред. С. А. Авакьян. — М., 2012. — 810 с.
6. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е. А. Лукашевой. — М., 2002. — 180 с.
7. Тарло Е. Г. Право на частную жизнь в России // Закон. — 2007. — № 3. — С. 163—166.
8. Эбзеев Б. С. Великая российская революция : Идейные истоки и конституционное устройство власти и свободы // Гражданин, выборы, власть : научно-аналитический журнал. — 2017. — № 1—2. С. 3—31.
9. Эбзеев Б. С., Чуров В. Е. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России. — М. : РЦОИТ, 2015. — 80 с.
10. Mazeaud P. Libertésetordre public // URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/publications/contributions-et-discours/2003/libertes-et-ordre-public.144093.html> (дата обращения 30.08.2017).

Материал поступил в редакцию 30 августа 2017 г.

THE CONCEPT OF “BROAD” INTERPRETATION OF THE RIGHT TO PRIVACY IN THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

KROTOV Andrey Vladislavovich — PhD in Law, Doctoral Student of the Southern Federal University
pravonnov@yandex.ru
344006, Russia, Rostov-on-Don, ul. Bolshaya Sadovaya, d. 105/42

Abstract. *The relevance of the article is connected with the formation and development of the concept of “broad” interpretation of the right to private life, which finds expression both in foreign and domestic law, the influence of this concept on peculiarities of modern legal regulation of private life. Analyzing the processes of formation and development of the right to privacy in Russia and foreign countries, based on the decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation, the author comes to the conclusion that there are processes that tend to constitutionalization of the domestic right to privacy (as a negative right), the evolution of the said right into a comprehensive right (a system of rights and powers) which includes both negative and positive elements. That ultimately leads to a significant expansion of the impact on the area of the*

right to privacy. Meanwhile, a special role of the Constitutional Court of the Russian Federation in these processes is highlighted. In this case it plays the role of a generator of new, positive beginnings in the field of legal regulation of private life, expanding the scope of the impact of the right to privacy.

Keywords: *right to privacy, Constitutional Court of the Russian Federation, European Court of Human Rights, the constitutionalization of the right to privacy, interpretation, impact of law, private life.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bondar' N. S. Vlast' i svoboda na vesakh konstitutsionnogo pravosudiya : Zashchita prav cheloveka Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii.* — M. : Yustitsinform, 2005. — 240 s.
2. *Bondar' N. S. Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsennostnom izmerenii: teoriya i sudebnaya praktika / Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo.* — 2017. — № 4. S. 19—31.
3. *Gomien D. Putevoditel' po Evropeyskoy Konventsii o zashchite prav cheloveka.* — Sovet Evropy, 2000. — 210 s.
4. *Dzhefferson T. O demokratii.* — SPb., 1992. — 145 s.
5. *Konstitutsionnoe pravo i politika : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Yuridicheskiy fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 28 — 30 marta 2012 g. / otv. red. S. A. Avak'yan.* — M., 2012. — 810 s.
6. *Prava cheloveka: itogi veka, tendentsii, perspektivy / pod obshch. red. E. A. Lukashevoy.* — M., 2002. — 180 s.
7. *Tarlo E. G. Pravo na chastnuyu zhizn' v Rossii // Zakon.* — 2007. — № 3. — S. 163—166.
8. *Ebzeev B. S. Velikaya rossiyskaya revolyutsiya : Ideynye istoki i konstitutsionnoe ustroenie vlasti i svobody // Grazhdanin, vybory, vlast' : nauchno-analiticheskiy zhurnal.* — 2017. — № 1—2. S. 3—31.
9. *Ebzeev B. S., Churov V. E. Globalizatsiya. Mezhdunarodnye gumanitarnye standarty. Suverenitet Rossii.* — M. : RTsOIT, 2015. — 80 s.